

11310104
(январь)

Проскурникова
Татьяна

«Была» — нелепое слово

Питер Брук

С уходом Татьяны мы лишились очень дорогого друга. А французский и российский театр в лице Татьяны потеряли не только друга, но и союзника, и незаменимого, бесценного специалиста.

Жак Лассаль

Не помню, где я увидел Татьяну впервые, в Париже или в Москве. Во всяком случае, это было в середине 80-х в обществе Антуана Витеза. Всякий раз, приезжая в Москву, я встречал ее среди друзей, Беатрис Пикон-Валлен, Рене Гонзалеса, Валерия Шадрина, Кирилла Лаврова. Она одинаково хорошо знала французский и российский театр и так блестяще говорила на нашем языке, что в первый раз я принял ее за французского представителя Международного института театра. В ее советах неизменно были великодушие и ясность. Она всегда самым деликатным образом стремилась способствовать контактам и обменам между двумя культурами, их взаимной творческой дополняемости.

Когда Валерий Шадрин пригласил меня в Россию для постановки спектакля в рамках Чеховского фестиваля, Татьяна очень хотела, чтобы это была пьеса Мариво. Она намеревалась перевести «Торжество любви». Но из-за своей болезни и смерти мужа вынуждена была отказаться от этого намерения. Ей так и не удалось посмотреть моего мольеровского «Жоржа Дандена», поставленного в БДТ, а затем представленного на Чеховском фестивале.

Татьяна, как Вас, наверное, не хватает сыну, который был Вам так дорог. Как Вас уже недостает Вашим друзьям, здесь и там.

Бернар Фэвр д'Арсье

Татьяна Проскурникова была человеком очень близким Авиньонскому фестивалю. Всем, кто предан Фестивалю, будет очень не хватать ее авторитета, прекрасного знания театра и французской культуры. Из всех российских критиков и театроведов, которые на долгие годы становились нашими друзьями, она, безусловно, лучше всех знала Фестиваль и его историю. Она не пропускала ни одного Фестиваля, и нам было очень приятно видеть ее каждое лето. К ее мнению прислушивались, больше того, ее критика учитывалась, настолько она была прозорлива. Татьяна была столь сильной личностью, что ее мало что смущало, даже самые дерзкие театральные опыты...

Мы думаем о ней, о ее близких и друзьях, жалею, что в этом году не смогли подарить ей радость посещения Фестиваля, ведь даже несмотря на состояние здоровья, она из последних сил стремилась попасть в Авиньон. Авиньон отдает ей дань уважения.

Памяти Татьяны Проскурниковой

Татьяны Борисовны Проскурниковой, замечательного человека, яркого, авторитетного исследователя французского театра, не стало 18 сентября 2003 года. Друзья и коллеги по всему миру отказывались в это верить. Члены Международной ассоциации театральных критиков, в которой Проскурникова многие годы представляла Россию, засыпали друг друга потрясенными электронными письмами: ушла из жизни Татьяна. На ее смерть откликнулись граждане Франции, Великобритании, США, Швеции, Канады, Португалии, Кубы, Польши, Сербии, Болгарии, Румынии, Грузии; прислал сочувственные слова Международный институт театра при ЮНЕСКО. На адрес Международной конфедерации театральных союзов, в чьей деятельности Проскурникова всегда принимала заинтересованное и значимое участие, пришли соболезнования от режиссеров Питера Брука, Жака Лассалья, от бывшего директора Авиньонского фестиваля Бернара Фэвра д'Арсье...

Эта публикация должна была появиться в октябре, к сороковому дню. Тогда это оказалось невозможным из-за двухмесячного простоя «Экрана и сцены». Сегодня мы вспоминаем Татьяну Борисовну Проскурникову, не подверстываясь ни под какие даты.

Алексей Бартошевич

Когда филолог идет в театроведы, то это чаще всего порождает массу всяких проблем и препятствий. В сущности, театроведы получаются из филологов крайне редко. Не потому, что театроведение — какая-то сверхтаинственная профессия; секреты наши нехитрые, если вообще есть секреты. Но что-то, трудно поддающееся определению, как правило, мешает филологам заниматься театром, чувствовать театр так, как чувствуют его театроведы.

Татьяна Проскурникова — филолог с университетским образованием. После аспирантуры в Институте Искусствознания она осталась работать в секторе современного западного искусства; там-то пару лет спустя мы и познакомились. Поначалу Татьяна занималась драматургией, то есть тем, за что филологам обыкновенно берутся наравне с театроведами. Какое-то недолгое время она испытывала определенные филологические комплексы, но затем всеми нашими хитрыми секретными с блеском овладела и стала подлинным украшением нашего

сектора, одним из самых замечательных театроведов-западников. Ее обожала Татьяна Израилевна Бачелис, ее любил Борис Исаакович Зингерман. Ее уважали все коллеги.

Множество раз я просил ее: «Таня, напиши что-нибудь по западной классике, про Мольера, про Корнеля, про Расина...» Ответ был всегда один: «Ничего в этом не понимаю, не чувствую, не хочу и не буду». И действительно, Проскурникова никогда ничего о том, что было до XX века, не написала. Ни строчки, ни слова, хотя знала все это прекрасно, по крайней мере то, что касалось ее любимой Франции. Театр же двадцатого века, в особенности позднего двадцатого века — последних его десятилетий, Таня чувствовала необыкновенно тонко, другими словами, она откликалась на театр того времени, в котором жила.

Довольно быстро проявилось, что по своей природе Таня — человек исключительно театральный. Я почти не знаю людей, кто был бы наделен таким даром общительности. У нее не было врагов, я никогда не слышал о Тане ни от кого дурного слова. В ней были лег-

В Амстердаме

кость, открытость, умение собирать вокруг себя людей, объединять их своей душевной расположенностью, она обладала настоящим талантом дружбы. Я, кстати, тоже крайне редко слышал от нее скверные отзывы о людях. Но уж если она кого-то бранила — будьте уверены, это было более чем заслуженно. Человеком она была строгим и трезвым, и совсем не сентиментальным. Если какого-то мнения придерживалась, то перубедить ее было непросто. Если во что-то верила, то обнаруживала в иные моменты очень большую твердость, даже порой несколько неожиданную. Со всеми своими легкостью и открытостью она была и в профессии, и в жизни отнюдь не бесхребетна.

Люди часто похожи на то, чем они занимаются. Самому складу личности Татьяны, ее элегантно уму был близок «острый галльский смысл», дух прекрасной ясности, которой исполнены французское искусство и французский взгляд на мир. При всей ее женственности она была натурой вполне рациональной, во всем тяготела к определенности. Ей чужды были туманности дамского театроведения. Ее книги и статьи — образец изящества в соединении с простотой.

Таня не очень любила влезать в чужие души и сама не наваливала собственные трудности на других, никогда никого собой не обременяла. Ее человеческая легкость выражалась даже в ее легкой, стремительно-несущейся походке. И писала она удивительно легко.

А уж как знали и любили Татьяну Проскурникову во Франции (да и в других странах)! Кто только к ее мнению ни прислушивался! Слишком долго перечислять знаменитые имена.

Таня была воплощением человеческого успеха: чудесный дом, чудесная семья, увлеченность своим делом, прекрасные научные работы, статьи, книги, замечательная дружба с людьми со всего мира. Поэтому когда на нее — олицетворение благополучия (в самом лучшем смысле этого слова) обрушились неправдоподобные несчастья, в это было почти невозможно поверить.

Думая о Тане, вспоминаешь не бо-

Татьяна Проскурникова с Мирей Матье в Монреале

С Эженом Юнеско

лень, не жуткий конец, а ощущение легкости, веселости, открытости, душевной твердости и душевного покоя. Принято говорить: "Светлая тебе память". Память бывает разная. Но память о Тане, действительно, светла.

Татьяна Касаткина

С уходом Тани Проскурниковой мы, ее друзья, остро ощутили невосполнимую потерю, которая сейчас, спустя четыре месяца, пронзительно напоминает о себе каждый раз, когда в связи с теми или иными обстоятельствами, возникает почти мистическое желание поговорить с ней, спросить, услышать ее спокойный грациозный голос.

Таня была удивительно щедра и отзывчива, и человечески, и профессионально. С конца 80-х годов она оказывала неоценимую бескорыстную помощь тем, кто занимался международной работой в СТД СССР, а потом в Международной конфедерации театральных союзов. А занятие это было тогда, прямо скажем, нелегким. Ее огромный авторитет среди деятелей европейского театра благоприятно сказывался и на результатах наших усилий. Особенно много получали от Тани те, кто работал с франкофонными странами.

Она никогда никого не учила и, тем более, не поучала, сама признавалась, что педагогика — не ее призвание, хотя дважды поддалась на уговоры и прочтала спецкурс в РГГУ и РАТИ. На этом все и закончилось. Она обладала редким даром и способностью увлекать тем, что знала и любила сама, и передавать это людям, которые хотели и были способны это принять. За всем этим, конечно, стояли культура, воспитание, интеллект, фантастическое трудолюбие и поразительное достоинство.

Таня была равно внимательна и к именитым людям нашего театра, и к совсем молодым, которым посчастливилось оказаться с ней в зарубежных поездках, где она была так вдохновлена в своих устных рассказах о любимых местах, событиях, людях. Каждого, кто бывал в Авиньоне, она неизменно отправляла или сама вела в Дом Жана Вилара, и ее любовь к Франции и французскому театру невольно передавалась спутникам. А люди театра, приезжавшие в нашу страну из-за рубежа, всегда жаждали встреч и общения с ней и очень огорчались, когда ее не оказывалось в городе. С ними всегда работали переводчики, но им непременно нужна была Таня: она вводила их в мир нашего театра, нашей жизни, и они были благодарны ей за открытость, искренность, непредвзятость и объективность оценок. Так было с Питером Бруксом, Антуаном Витезом, Арианой Мнушкиной, Жаком Лассалем, Жоржем Баню и другими.

А сколько наших молодых критиков Татьяна Борисовна ввела в международное профессиональное сообщество, посылая по линии АИСТ (Международная ассоциация театральных критиков) на семинары и стажировки, используя для этого любую возникавшую возможность. Конечно, первостепенную роль здесь играл ее непревзойденный авторитет среди коллег-критиков за рубежом. Я не помню случая, чтобы с ее рекомен-

дацией не посчитались.

Она была очень мужественным человеком и когда боролась за жизнь и здоровье своих близких, и когда сама оказалась в трагической ситуации. От силы ее духа, воли, решительности становилось порой нестерпимо нам — свидетелям этого. Трагической была и ее последняя осознанная поездка — прощание с любимой Францией, "судьбы и образы" театра которой, во многом благодаря Тане, навсегда останутся в истории.

Роман Должанский

Просьбу написать что-то в память о Татьяне Борисовне Проскурниковой я получил в Париже. И это очень естественно и не случайно — вспомнить о ней именно здесь, в той стране и городе, которые она так хорошо знала и так любила. И к которым она так "подходила": в ее облике, манере держаться и разговаривать, конечно, было что-то, что принято определять как "французское" — шарм, элегантность, достоинство, деликатность во взаимоотношениях. Несмотря на разницу в возрасте и профессиональном статусе, мне с ней было очень легко общаться — необходимая дистанция присутствовала, но демократичная, невидимая, удобная.

Знание и любовь предмета, как мы понимаем, у многих сами собой рождает чувство собственности. Иные специалисты, занимающиеся той или иной страной, как говорится, "сидящие" на теме, часто изо всех сил отгоняют аки досадливых мух от насиженного места любого, кто к нему приблизится или хотя бы проявит любопытство, особенно молодых. Наверное, сказывается советский синдром — все-таки заграничные поездки, хорошие суточные, связи, то да се... Татьяна Борисовна в этом смысле была не обычным ревнивым "собственником", а невероятно щедрым, широким человеком. Она искренне, совершенно бескорыстно стремилась разделить эту радость обладания с молодыми коллегами, словно приглашала всех полюбить то, что любила она. Так было в Авиньоне, когда я первый раз туда приехал. Татьяна Борисовна не просто все рассказала-показала-объяснила, но и познакомила меня с легендарным директором фестиваля Полем Пюо, и это была забываемая встреча.

Так было в Таормине, где в лучшие годы вручали премию "Европа — театру", членом международного жюри которой она была. Не одного меня она навсегда заразила любовью к этому городку, и вообще к Сицилии. Старалась, чтобы каждый год этот неформальный "клуб любителей Таормины" расширялся. Мы очень ждали этих совместных поездок, потому что были они невероятно приятными, интересными, насыщенными, профессионально полезными. Татьяна Борисовна хлопотала, со всеми знакомила, заботилась, чтобы русских журналистов всюду приглашали, была нашим добрым Вергилием в путаных кругах европейской театральной тусовки. Но важнее тусовки была красота жизни, природы. В первый приезд сама она как член жюри жила в роскошном отеле Сан-Доменико, который устроен в бывшем монастыре какого-то лохматого ве-

ка. Вечером повела нас, человека три-четыре, туда на экскурсию. Мы почему-то жадно бегали по темноватому парку, стремились заглянуть в каждую аллею, сфотографироваться у всех скульптур, как-то вдохнуть весь воздух, потом — посидеть на всех диванах во всех холлах бывшего монастыря. Очень было с ней весело, свободно. Потом, уже в Москве, пересказывая и обсуждая театральные новости, мы непременно вспоминали прошлую Таормину (да и Авиньон) и считали время, оставшееся до следующей поездки.

Теперь в Таормине ничего больше не вручают. Говорят, местная мафия больше не дает денег на премию. А я часто вспоминаю, как мы летели туда в первый раз. И когда мне сказали, что Татьяны Борисовны Проскурниковой не стало, сразу вспомнил именно этот вечер. 96-й, что ли, год. Или 97-й? Пересадка в миланском аэропорту, поздно. Местный перелет Милан-Катанья задерживается. Мы вторым — Татьяна Борисовна, Саша Соколянский и я — долго сидим в зале ожидания. Мы все в теплых пальто, потому что это самое начало января, в Москве лютый мороз, да и в Милане идет мокрый снег. Татьяна Борисовна что-то рассказывает, при этом чуть загадочно улыбается, смотрит на нас, и видно, что она чему-то очень рада. Она то знает, что через час нас ждет теплынь ночного морского воздуха, удивительный запах южных растений, детская радость открытия нового мира. Она рада, что взяла нас с собой, она рада, что именно она поделится всем этим с нами, она рада, что увидит, как мы обрадуемся.

Мария Хализева

Если кому-то доводилось наблюдать Татьяну Борисовну Проскурникову издалека, то человек надолго оставался под впечатлением ее гордой спокойной уверенности, необыкновенной эрудиции, остроумия и молниеносности реакций. При более близком общении этот образ не рассеивался, но добавлялись еще штрихи и черточки: трудолюбие, независимость, общительность, неравнодушие, заинтересованность в людях и событиях. Она была требовательна и строга по отношению к себе, к окружающим, к спектаклям, к книгам, к словам, но всегда формулировала свои претензии безукоризненно корректно, хотя никогда ничего не смягчала. В первый момент ты вздрагивал от стремительности напора, в следующий — осознавал, что Татьяна Борисовна совершенно права, и еще какое-то время пожевывал от своего промаха, переваривая замечание, принимая его к сведению.

Чаще всего Татьяна Борисовна была весела, улыбка, победительна, жизнерадостна. Бродя по улицам Амстердама и завидя очередного пресыщенного голландского кошака, неизменно трогательно просила: "Сфотографируйте меня, пожалуйста, с этим котиком!" А ленивый котик, как по команде, тут же пробуждался ото сна, вставал на задние лапы и с полным доверием тянулся к ней. Строгая Татьяна Борисовна преображалась и таяла — кошек она обожала.

О том, чем в данный момент занима-

ется, Татьяна Борисовна всегда говорила с удовольствием и увлечением. В том же Амстердаме в сентябре 2000 года много рассказывала о книге французского театроведа Жоржа Баню "Наш театр — "Вишневый сад", которую она к тому моменту только-только перевела. Ее невозможно было представить без планов, без устремлений, без занятий; она никогда не жаловалась на скуку.

Бодрую, деловую, энергичную Татьяну Борисовну подлая болезнь вынудила испытать состояния, ей неведомые и ею презираемые, — растерянность и бессилие. Татьяна Борисовна до последнего с ними боролась, пыталась стряхнуть с себя и все время повторяла: "Я сама. Я должна".

Екатерина Воронова

Анна Шалашова

Наверное, каждый, кто будет вспоминать о Татьяне Борисовне Проскурниковой, начнет со слов: "Не верится, что..." Многим было известно, что она тяжело больна. Но это сочетание казалось и кажется настолько нелепым, абсурдным и несправедливым, что вряд ли мы до конца это осознавали.

Мы познакомились с Татьяной Борисовной несколько лет назад на фестивале "Балтийский дом", потом, смеем надеяться, подружился. Что прежде всего в ней поразило, помимо бешеной энергии, силы, огромного человеческого обаяния? Не сговариваясь, отвечаем — независимость и профессионализм. Редкий случай в театральном мире — Проскурникова была вне всяких компаний, объединений, групп... В ней всегда чувствовалась какая-то подлинная внутренняя свобода. Свобода, позволяющая с одинаковым мощным порывом заниматься ее любимой французской культурой — писать о Барро, Виларе, Виттезе, Бруке, Мнушкиной и переживать, спорить из-за недавно вышедшего не вполне качественного перевода Антонена Арто.

Безумно жаль, что Татьяна Борисовна почти не преподавала. Но нам повезло — на нашем курсе она два года назад все-таки прочла несколько лекций. А вскоре после этого вышла ее книга о французском театре второй половины XX века. Можно с уверенностью сказать, что она станет настольной книгой для всех студентов-театроведов, изучающих этот период — настолько она подробна, точна, ярко и живо написана.

Во время похорон Татьяны Борисовны светило яркое солнце, дул утренний свежий ветер и ослепительно голубое небо прорезалось через золото осенней листвы. Это может показаться странным, но в каждой секунде этого сентябрьского утра, уходящей золотой осени была Татьяна Борисовна Проскурникова... Именно такое впечатление оставалась каждая встреча с ней — радостное и солнечное. Через несколько часов после похорон началась гроза, загремел гром и полил проливной дождь.

Материал подготовили

С Эльзой Триоле и Луи Арагоном

С А.В.Бартошевичем

